

Для цитирования: Орехов А. М.
Российская социальная эпистемология:
от «Ldsh-стратегии» к «Ldsh-зависимости» //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 96—106.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106.
EDN: CYBKDD

УДК 140.8

EDN: CYBKDD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОТ «LDSH-СТРАТЕГИИ» К «LDSH-ЗАВИСИМОСТИ»

Орехов Андрей Михайлович,
Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент,
Москва, Россия.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация.

Введение и цель. Статья рассматривает социальные и философские аспекты эволюции современной российской социальной эпистемологии, в связи с продвижением ею идей С. Фуллера, а также аналитические аспекты вклада самого С. Фуллера в мировую социальную науку.

Методы. Автор статьи использует теоретические методы (анализ, синтез и т. п.), задействованные в современной философии и социологии социальных наук. Из эмпирических методов применяется метод социального наблюдения.

Научная новизна исследования. Ключевой идеей является статьи анализ феномена «Фуллер-зависимости» в современной

российской социальной эпистемологии как типа «Ldsh-зависимости». «Ldsh-стратегия» — это стратегия вхождения в мировую науку *вслед* за каким-либо конкретным лидером, авторитетным ученым. «Ldsh-зависимость» — абсолютную или в высокой степени относительную зависимость нашей отечественной области знания от того конкретного лидера или авторитетного ученого, который способствует нашему вхождению в мировую науку.

Результаты. «Ldsh-стратегию» «КСЭ-группы» на первоначальном этапе вхождения отечественной социальной эпистемологии в современную мировую науку можно считать за успешную и результативную. Но далее эта стратегия стала перерождаться в «Ldsh-зависимость» — т. е. «Фуллер-зависимость». Такая зависимость никак не способствует конструированию оригинальной и инновационной российской социально-эпистемологической программы, конкурентной программ Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана. Следует научиться преодолевать и решать проблемные вопросы данного направления в рамках «КГМ-стиля», ибо только он может помочь сформировать «прорывные векторы» в исследовательском поле отечественной социальной эпистемологии.

Ключевые слова:

социальная эпистемология,
И. Т. Касавин,
С. Фуллер,
«Анархический монографизм»,
Ldsh-стратегия,
Ldsh-зависимость,
«Фуллер-зависимость»,
«КСЭ-группа»,
«КГМ-стиль»

Введение

Как мы уже отмечали в одной из наших последних статей, стратегия развития современной социально-гуманитарной науки в России должна заключаться «не в *обгоне* [западной социально-гуманитарной науки], а в ее *опережении*. *Обгон невозможен, но возможно опережение*, — вот каким должен быть лозунг, девиз дня для современных российских социальных ученых и ученых-гуманитариев» [7, с. 13].

Отечественная социальная эпистемология первой трети XXI века подает *отличный пример* для case-study (т. е. анализа наличного случая) в отношении проблемы «обгона-опережения» социально-гуманитарной науки Запада (хотя для начала, разумеется, нужно эту науку еще и «догнать»). На кейсе российской социальной эпистемологии можно попытаться показать если не все, то хотя бы некоторые проблемные точки, которые здесь возникают, — как с точки зрения *социологии науки в целом*, так и с точки зрения более частной *социологии социально-гуманитарных наук*. Любой опыт (а у российских социальных ученых и гуманитариев пока его *крохи*) здесь просто *бесценен*, и обойти его стороной — значит, совершить своего рода «научное преступление».

Предметом кейс-анализа будет ведущая группа ученых, сконцентрированная вокруг сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, которую возглавляет член-корр. РАН И. Т. Касавин — их деятельность и основные достижения¹. Сюда относятся социальные ученые и философы, которые не обязательно являются сотрудниками ИФРАН, но которые систематически взаимодействуют с этим сектором в написании монографий, им издаваемых. Помимо самого И. Т. Касавина, «группа Касавина в социальной эпистемологии» (далее мы будем обозначать ее как «КСЭ-группа») включает в себя таких ученых как Л. А. Маркова, А. Ю. Антоновский, А. Л. Никифоров, В. Н. Порус, Н. М. Смирнова, Г. Б. Гутнер, Н. И. Мартишина, Е. Масланов, Е. Самостиненко и др. Все они в той или иной степени сотрудничают с И. Т. Касавиным и принимают участие в исследовательской работе по разработке различных проблем социальной эпистемологии.

¹ Вот почему эту статью следует расценивать в большей степени нацеленную на исследование *социологии социальной эпистемологии*, чем на саму социальную эпистемологию.

«КСЭ-группа»: основные достижения и результаты

Скажем сразу: в отличие от многих других философских школ и групп, «КСЭ-группа» ведет воистину масштабную и даже по некоторым основаниям даже *впечатляющую* исследовательскую работу. За последние двадцать лет у нее вышли больше десятка коллективных монографий, к примеру, «Социальная эпистемология: идеи, методы, программы» [9], «Социальная философия науки: Российская перспектива» [8], и др. И. Т. Касавин также издает свои собственные монографии, — например, «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» [4], «Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы» [3], «Наука — гуманистический проект» [2] и др. «КСЭ-группа» принимала активное участие и в создании монографии по культурно-исторической эпистемологии [5] — «Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина» (вышла под редакцией Т. Г. Щедриной). Более того, помимо российских ученых в написании отдельных глав вышеуказанных коллективных монографий принял один из ведущих мировых социальных эпистемологов, британский ученый Стивен Фуллер (см. о нем ниже).

Бесспорно, у «КСЭ-группы» есть и свои исследовательские достижения. Только для начала — небольшое отступление.

Отступление 1: «Анархический монографизм» как проблема «КСЭ-группы».

«Анархическим монографизмом» мы обозначаем процесс *беспрерывного издания монографий* каким-либо научным учреждением (в данном случае Институтом философии РАН и от его имени «КСЭ-группой»), когда сам процесс такого издания превращается, по сути, в *самоцель*, а необходимая аналитическая, систематизирующая, структурообразующая исследовательская работа при этом отсутствует. Такая работа могла бы, к примеру, проводиться в рамках издания *фундаментального учебника или энциклопедии* по социальной эпистемологии. Нам могут возразить: но Институт философии РАН и его сектора и исследовательские группы *не обязаны* заниматься изданием учебников или энциклопедий, их задача — подготовка и издание монографий и научных статей. Да, это так. Но неужели сам И. Т. Касавин и «КСЭ-группа» не чувствуют необходимости навести хоть какой-то порядок в отечественной социальной эпистемологии? Определить понятия, уточнить предмет и структуру,

выделить основные рубрики и темы, разложить по полочкам все позиции и т. п. Ведь это нужно сделать и для того, чтобы достижениями «КСЭ-группы» заинтересовалось еще большее число исследователей. Нужна пропаганда, агитация за это направление. Увы, ничего этого нет и в помине, а методология «анархического монографизма», неявно или неявно взятая здесь за принцип деятельности, только в ущерб самой социальной эпистемологии, а не в помощь.

Также смеем предположить, что элементом методологии «анархического монографизма» будет издание монографии по принципу «собираания статей». То есть автор просто *собирает все свои статьи за последние 4—5 лет, группирует их по разделам и обозначает как «монографию»*, — по такому принципу сделана последняя монография И. Т. Касавина [2]. Такой подход хотя и не запрещен, но все же разница между «сборником статей» и «монографией» остается весьма существенной, и хотелось бы, чтобы лидер «КСЭ-группы» ее также прочувствовал...

Теперь возвращаемся к проблеме основных достижений и результатов «КСЭ-группы».

И. Т. Касавин, которому отводится роль *основоположника* отечественной социальной эпистемологии¹, считает своим важнейшим вкладом в последнюю идею трех типов «социальности познания»:

- а) «Внутренняя социальность познания» — «пронизанность знания формами деятельности и общения, способность выражать их специфическим образом, путем освоения и отображения их структуры» [9, с. 9];
- б) «Внешняя социальность познания» — «зависимость пространственно-временных характеристик знания от состояния общественных систем (скорость, широта, глубина, открытость, скрытость» [9, с. 9];
- в) «Открытая социальность» — «она выражает включенность знания в культурную динамику, или в то обстоятельство, что совокупная сфера культуры является основным когнитивным ресурсом человека» [9, с. 9].

При этом эти положения вызывают критику других авторов, — к примеру, Д. И. Дубровского: «Сопоставляя выделенные типы

[социальности], нетрудно заметить, что они слишком диффундируют друг в друга. Третий тип вообще покрывается первыми двумя, ибо «включенность знания в культурную динамику» является и причиной, и следствием как *внутренней*, так и *внешней социальности*. Кроме того, типология «социальности» должна связываться с «типологией знания», соответственно, с «типологией проблем», служить для последней если не основанием, то, по крайней мере, стимулом ее теоретической разработки ... Из этих утверждений, истолкованных в *конструктивистском духе*, следует, что всякое знание (познание) во всех отношениях есть социальное явление, а постольку оно и составляет предмет социальной эпистемологии. Выходит, что последняя — это и есть современная эпистемология в целом» [1, с. 72—74].

Заслуживает внимания также анализ конструктивизма в социальной эпистемологии, проведенный А. М. Уланским; он здесь выделяет три основных ветви этого типа конструктивизма: 1) конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман; 2) радикальный конструктивизм; 3) социальный конструктивизм [9, с. 279—298], а также многие другие идеи исследователей «КСЭ-группы».

Однако, — и это следует подчеркнуть, — все исследовательские достижения «КСЭ-группы», даже взятые в совокупности, *выглядят весьма бледно на фоне достижений всей западной социальной эпистемологии*. И самое главное, «КСЭ-группа» и вся отечественная социальная эпистемология никак не может заявить здесь *свою особую исследовательскую программу*, составляющую альтернативу трем главным программам — С. Фуллера, Д. Блура и Э. Голдмана (вернемся к этому вопросу ниже).

С. Фуллер: резюме ученого

Стивен Фуллер — современный английский философ, профессор Уорикского университета, которого в социальной эпистемологии считают автором эпистемологической программы², альтернативной «сильной программе» Д. Блура и «нормативизму» Э. Голдмана. Он — автор нескольких книг по социальной эпистемологии (напр., [16]), а также является основателем и со-редактором ведущего журнала в этой отрасли знания — “Social Epistemology”.

¹ «Если на Западе основоположником социальной эпистемологии является С. Фуллер, то в России эта роль принадлежит И. Т. Касавину» [6, с. 386]. На счет Касавина в России — согласиться можно, но почему на Западе только Фуллер?

² Мы обозначаем ее как «интегративную программу»; И. Т. Касавин и другие представители «КСЭ-группы» еще чаще всего называют «критической программой».

В целом позицию С.Фуллера в социальной эпистемологии можно охарактеризовать как «промежуточную» в отношении концепций Д. Блура и Э. Голдмана, «интегративную» в том аспекте, что С. Фуллер комбинирует их идеи в социальной эпистемологии с идеями К. Поппера, Ю. Хабермаса и М. Фуко:

«Как приверженец социальной эпистемологии, С. Фуллер решающее значение придает изучению исторического, научного, политического, религиозного и т. д. контекстов порождения новых идей, особенностям их распространения и восприятия социумом, исследует личностные мотивации их создателей, а также те последствия, которые так или иначе связаны с этими идеями» [9, с. 605].

С. Фуллер полагает, что существует различие между нормой производства знания в обществе и его реальным функционированием. Производство знания *в норме* должно рассматриваться как целостный процесс, без выделения специфически «экономического» аспекта:

«[Знание — это есть] совокупность поведенческих актов и событий, каждое из которых может быть адекватно объяснено без обращения к специфическим эпистемическим особенностям» [цит. по: 9, с. 673].

В таком случае всякий эпистемический (эпистемологический) дискурс, согласно С.Фуллеру, это есть *координация и организация* подобных поведенческих актов, а понятие «истина» заменяется им на выражение *хорошо организованная и скоординированная риторика*.

«Социальные отношения, по Фуллеру, образуют сеть, в которой субъект получает относительно стабильную роль. Знание он рассматривает как средство сохранения стабильного состояния такой сети ... Изменение одного узла сети влечет за собой изменение всей сети» [9, с. 674].

Согласно Фуллеру, само по себе производство знаний представляет собой гораздо более сложный и комплексный феномен, чем принято считать в классической эпистемологии. С. Фуллер полагает, что эпистемолога можно рассматривать как *менеджера когнитивной экономики*, а кумулятивный эффект накопления знания (например, в форме «научной революции») представляется ему в значительной степени *случайным* в отношении логики развития этого знания.

Причем, как подчеркивает британский философ, социальный эпистемолог — не только «когнитивный менеджер», он еще, в перспективе, *политик знания* (epistemic ро-

lice maker). Полная идентификация конечного продукта социальной эпистемологии возможна лишь при *идеальном, совершенном* разделении труда в производстве знания. Эффективность «политики производства знания» определяется возможностью создания новых «коллективных тождеств», являющихся основой организованных коллективных действий.

Истина и рациональность, согласно Фуллеру, никак не могут быть целью социального эпистемолога, скорее, задача последнего — внести методологию *оптимальности* в организацию и политику производства и политики знания. Идеальным инструментом такой организации является «университет», чья структура, к большому сожалению Фуллера, пока еще не соответствует этим задачам.

Оценивая в целом подход С. Фуллера, Л. А. Маркова подчеркивает следующий факт:

«Если есть наука, значит, есть коллективность, общение в том или ином виде. Поэтому сам по себе факт общения не может служить отличительной чертой современной социальной эпистемологии. Представляется, такой чертой может быть исключительное внимание исследователей, направленность их работы на процесс, вернее сказать, на момент рождения нового знания в голове ученого. В классическом мышлении, в том числе и в аналитической философии, творческие процессы выводились за пределы логической нормативности. Позиция Фуллера вполне согласуется с таким утверждением. Когда он пишет, что знание рождается из контекста, который выходит за пределы науки, он тем самым проводит мысль, что действительно новое знание не выводится из прошлого знания, оно в нем не содержалось. Основание вновь возникшего знания принадлежит этому знанию, как именно его основанию, но не только. Оно принадлежит также миру, окружавшему деятельность по его производству, соответствующему контексту <...>. Фуллеру не откажешь в умении увидеть точки роста в современных исследованиях науки, но он не в состоянии наметить пути взаимодействия с классической интерпретацией научного знания кроме как показать ее полную несостоятельность» [8, с. 385—394].

И еще раз обратим внимание на то, что «интегративная эпистемология» С. Фуллера является в современной социальной эпистемологии *третьей* масштабной исследовательско-методологической программой, составляющей конкуренцию «сильной программе» Д. Блура и «нормативизму»

(«веритизму») Э. Голдмана; четвертой же программы здесь пока не заявлено...

К сожалению, следует отметить, что последние работы С. Фуллера, переведенные на русский язык, — это «Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии» [11] и «Постправда: Знание как борьба за власть» [10], не оставляют впечатления глубокой проработанности и продуманности, и больше напоминают сборники публицистического характера, чем научные монографии.

«Ldsh-стратегия» как способ вхождения в мировую науку

Концепт «Ldsh» — здесь сокращенное от английского слова «leadership» — лидерство, превосходство (в какой-либо области). «Ldsh-стратегия» — это стратегия вхождения в мировую науку *вслед* за каким-либо конкретным лидером, авторитетным ученым.

То есть, если мы признаем факт отставания нашей отечественной области знания или направления исследований от мировой науки (хотя, естественно, что многие наши отечественные социальные ученые могут с этим тезисом не соглашаться), мы можем выбрать следующий путь ликвидации этого разрыва: *выбираем одного из мировых лидеров этого направления или области знания, устанавливаем с ним контакты, приглашаем на конференции, в наши монографии, подключаем его к нашим грантам, и тем самым посредством данной коммуникации как бы «подтягиваем» нашу область знания или направление к мировому уровню (если не «опережаем», то хотя бы «догоняем»)*. Естественно, эта коммуникация должна иметь *двусторонний характер*: в ответ лидер этого направления должен способствовать публикациям наших российских ученых в ведущих мировых журналах, выступать как приглашенный пленарный докладчик на отечественных конференциях и т. п.

Сразу скажем: мы *очень хотели бы порекомендовать* такую «Ldsh-стратегию» практически всем областям и направлениям российских социально-гуманитарных наук. Это, с нашей точки зрения, весьма эффективный и результативный (да еще *рациональный* в смысле минимальности «затрат») путь приближения к мировым стандартам современного социально-гуманитарного знания. Но, к сожалению, насколько нам это известно, кроме «КСЭ-группы», никто пока этим методом в российской социально-гуманитарной науке не воспользовался, — наоборот, куда чаще мы наблюдаем методологию «отказа» от контактов с западными учеными (или «боязни» таких контактов),

что не только не продвигает вперед наше отечественное социально-гуманитарное знание, а лишь способствует его большому отставанию от мировой науки ...

Отступление 2: «Ldsh-зависимость» как форма коммуникативной зависимости в социальных науках

Но, — этот факт печален, но объективен, — «Ldsh-стратегия», наряду с массой положительных сторон, — имеет и одну отрицательную сторону. И заключается она в том, что «Ldsh-стратегия» может со временем трансформироваться в *абсолютную или отнюдь не высокую, но в высокой степени, зависимость* нашей отечественной области знания от того *конкретного лидера или авторитетного ученого*, который способствует нашему вхождению в мировую науку. Возникает феномен «Ldsh-зависимости», который, на более позднем этапе этого вхождения начинает тормозить этот сам процесс «вхождения». Если, к примеру, данный лидер утрачивает в своих работах необходимую глубину и фундированность анализа, и начинает, условно говоря, *шархаться* в разные стороны, теряя фокусы своей «прорывной исследовательской стратегии», то *вслед* за ним это непременно начнут делать и наши российские ученые¹. Такой момент (если он будет, разумеется) в «Ldsh-стратегии» *очень важно почувствовать*, и со временем перестать ориентироваться на данного авторитетного ученого и резко расширить круг контактов, найти *новых лидеров* данного направления или области знания, и двинуться *вслед* за ними дальше в мировую науку².

«Фуллер-зависимость» как форма «Ldsh-зависимости» в отечественной социальной эпистемологии

В отечественной социальной эпистемологии, — подчеркиваем, на наш взгляд! — на

¹ Примерно об этом же пишет и Д. И. Дубровский: «Вызывает раздражение заметная тенденция у некоторых наших авторов слишком уж тесно «пристраиваться» к западной социальной эпистемологии. ... Не потому ли весьма посредственные западные мыслители нередко у нас становятся «ньюсмейкерами»: их тексты подробно разбирают, обильно цитируют, как бы подтверждая тем самым новизну и особую значительность заявленных ими способов и направлений исследования, которые, на поверку, оказываются зачастую повторением пройденного» [1, с. 80—81].

² Естественно, «двинуться *вслед* за ними дальше в мировую науку» вовсе не означает «делать мировую науку» и «совершать в ней открытия». Тут хотя бы стать хорошими социальными учеными «второй линии фронта» и научиться подносить снаряды тем, кто находится на «переднем фронте».

ее современном этапе развития, ситуация складывается, далеко не лучшим образом. Здесь стратегия продвижения в мировую науку «вслед за Фуллером» фактически превратилась в *зависимость от него*, т. е. в «Фуллер-зависимость». Но опять же, не следует понимать, что это *плохо* в принципе. За последние годы С. Фуллер проделал огромную работу по вовлечению наших российских ученых в мировой исследовательский процесс. Чего стоят две подборки публикаций отечественных исследователей в двух журналах первой квартили Скопуса — “Philosophy of Social Sciences” и “Social Epistemology”!¹

“Philosophy of Social Sciences” в 2019 году опубликовал несколько статей, посвященных проблеме «Российского подхода к интерпретации науки (научного знания) как дара». Помимо статьи самого Фуллера [17], там также опубликованы статьи И. Т. Касавина [21], Е. Масланова [23] и Е. Самостиненко [24].

“Social Epistemology” в 2020 году провел дискуссию на тему «профессиональной науки». И. Т. Касавин здесь написал вводную статью [20] и одну из статей самой дискуссии [21]; помимо зарубежных ученых (включая, разумеется, и С. Фуллера), в дискуссии также приняли участие россияне: Е. Чеботарева [14], С. Шибаршина и Е. Масланов [25], А. Ю. Антоновский и Р. Бараш [12].

Итак, «Фуллер-зависимость» в отечественной социальной эпистемологии, безусловно, срабатывает и в *лучшую сторону*. Но публикации, даже в первой квартили Скопуса (точно так же и большое число монографий) — *это еще не достижение* «КСЭ-группы» (мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили раньше). Единственным реальным достижением «КСЭ-группы» в социальной эпистемологии, как мы полагаем, может стать *только* конструирование (или скажем так: *реальная, всем видимая работа* по конструированию) *собственной оригинальной социально-эпистемологической программы*, альтернативной программам Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана.

Кстати, И. Т. Касавин вроде бы и заявляет об этом:

«Автор этих строк с симпатией относится к ряду идей и подходов Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана, не являясь последователем ни одного из них. Главный недостаток их концепций в том, что они не выходят за пределы конфронтации классической и

неклассической эпистемологии, философского и натуралистического проектов исследования познания. Представляется, что современную эпистемологию надо строить на *новых основаниях, понимая ее как снятие противоположности классического и неклассического подходов* [курсив наш — А. О.]. Это будет *постнеклассическая теория познания*, сохраняющая роль философии, с одной стороны, и признающая важность междисциплинарного взаимодействия — с другой. Тем самым открывается возможность для разрешения современных контроверз и объединения конкурирующих методологических подходов» [9, с. 14].

Скажем так: альтернативной программы пока нет, но *есть намерение ее создать*. Уже заслуживает похвалы. Но вот только на каких основаниях?

Следует предположить, что глава «КСЭ-группы» здесь собирается воспользоваться «триадой» развития науки, основанной на концепции В. С. Степина («классический этап — неклассический этап — постнеклассический этап»)², ведь он пишет о *постнеклассической теории познания*, неявно перенося эту идею и на социальную эпистемологию.

Но мы сильно сомневаемся, что подобная (постнеклассическая) социальная эпистемология вообще существует, а не является *фантомом*, вокруг которого можно конструировать лишь *фантомы*, и ничего более кроме *фантомов*. Даже если в отечественной социальной эпистемологии к подобной, *четвертой по счету* после Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана, и можно начать движение, то стратагема здесь должна быть выстроена совершенно другим образом, — и здесь как раз уместно перейти к последнему разделу нашей статьи.

«Проблемные точки» для современной российской социальной эпистемологии: есть ли в будущем надежды на свою уникальную и особенную «программу»?

Ранее мы утверждали, что в мировой социально-гуманитарной науке задействованы три когнитивных стиля³: НПА-стиль,

² Мы убеждены, что эта теория «трех стадий» развития науки является насквозь ложной и ошибочной, и «заслуга» этой теории заключается лишь в том, что она отбросила российскую философию науки на 20—30 лет назад. Но это, опять же, — не вина самого В. С. Степина, — а скорее вина самой российской философии науки, где сама эта теория так и не прошла необходимого критического разбора. Впрочем, эта тема заслуживает отдельного разговора.

³ «Когнитивный стиль науки» — это есть совокупность правил и норм выбора способов объяснения

¹ В первом из них С. Фуллер — один из редакторов, а во втором — со-редактор и редактор-основатель (Founding Editor).

КГМ-стиль, ФББ-стиль. У каждого из этих стилей есть свои достоинства и свои «проблемные точки». Российская социально-гуманитарная наука исповедует КГМ-стиль, а западная наука в основном придерживается НПА-стиля. Для того чтобы догнать и опередить западную науку, российским ученым надо стараться не подражать НПА-стилю, а развивать и углублять свою собственную КГМ-методологию. Стратегия российской социально-гуманитарной науки в современном научном пространстве — это скорее не обгон, а опережение с использованием всего когнитивного потенциала КГМ-стиля. КГМ-стиль («Кант-Гегель-Маркс») — когнитивный стиль, основанный на категориально-предметном анализе, с использованием абстрактных, метафизических категорий, с относительно свободным дискурсом, с нежестким применением правил логического вывода, при этом во многих случаях — социально-критичный (социально-заостренный) относительно существующей социальной реальности [7].

На наш взгляд, отечественная социально-эпистемологическая программа должна использовать все преимущества КГМ-стиля отечественной науки и *максимально минимизировать* все недостатки западной социальной эпистемологии, которая базируется на НПА-стиле¹. Главными преимуществами отечественной социально-эпистемологической программы перед всеми иными должны стать *концептуальная грамотность, высочайший уровень концептуального анализа, выверенного в духе Канта-Гегеля-Маркса, а также глубина социальной метафизики в комбинации с широтой категориального анализа.*

и описания, построения и организации, доказательности и обоснования той или иной системы научного знания. НПА-стиль: «неопозитивистско-аналитический»; КГМ-стиль — опирается на Канта, Гегеля и Маркса; ФББ-стиль — опора на Фуко, Бодрийера и Бурдьё [7].

¹Таковых мы насчитывали четыре: 1) слабое внимание к концептам, концептуальная «неграмотность» и даже «концептуальная неразбериха»; 2) кейс-стади как основной метод доказательств; 3) излишний формализм; 4) излишнее доверие официальным авторитетам, перебор в «ссылочности» [7, с. 9—10]. Но в данном случае хватит и первого недостатка: в социальной эпистемологии он, как мы полагаем, он заслоняет все остальное. Не случайно для оставшихся трех мы употребили выражение «грех малый», а вот первый — это «грех большой». Впрочем, надо отдать должное и западным ученым: это проблема ими осознана, ищутся пути ее решения: см. напр. статью Катарини Грин о «номадических концептах» в социальных науках [19].

Но каковы здесь результаты исследовательской деятельности «КСЭ-группы», работающей под флагом «анархического монографизма»? Она даже не может определиться с пониманием предмета социальной эпистемологии², и тем самым отделить *социально-гуманитарную эпистемологию* от *естественнонаучной эпистемологии*. Мы не видим в ее результатах четкого понимания разницы между двумя другими фундаментальными концептами — «социальной эпистемологией» и «гуманитарной эпистемологией», а это разделение, с нашей точки зрения, должно стать ключевым для нынешнего этапа развития всего социально-эпистемологического знания, — ибо, на наш взгляд, записывать в «социальную эпистемологию» две традиции «гуманитарной эпистемологии» — *герменевтико-феноменологическую и постструктуралистско-постмодернистскую*, — значит, совершать грубую исследовательскую ошибку.

Впрочем, И. Т. Касавин, обсуждая вопрос о так называемой «культурно-исторической эпистемологии»³, тут высказывает следующую мысль:

«Российская версия социальной эпистемологии достаточно близка культурно-исторической эпистемологии, хотя и не тождественна ей. А это на сегодняшний день самый адекватный подход к пониманию связи познания и культуры⁴. Только самые

² Возможны два понимания: 1) социальная эпистемология — это теория познания социальной реальности, где в фокусе исследования находятся общество и социальное взаимодействие; 2) социальная эпистемология — исследование социальных аспектов формирования всякого знания, включая естественнонаучное и техническое (т. е. фактически «социология знания»). Мы — исключительно за первое из них, и полагаем, что второе определение лишь вносит путаницу в современную социальную эпистемологию. Приведем также мнение Д. И. Дубровского по этому поводу: «Само название «социальная эпистемология» содержит налет двусмысленности. Что имеется в виду? Эпистемология социальных явлений (особенности философского, теоретического осмысления их познания)? Выяснение роли определенных социальных факторов во всяком познании? Или эпистемология понимается вообще в качестве социального предприятия? Или то, и другое, и третье (и что-то промежуточное между ними и т. д.)?» [1, с. 70].

³ Термин неточен и неудачен: «культурно-историческая эпистемология» никак не охватывает всего вектора исследований «гуманитарной эпистемологии».

⁴ Снова вопрос И. Т. Касавину: какая все же, она — эта наша отечественная социально-эпистемологическая программа: «постнеклассическая» или «культурно-историческая»?

неинформированные из наших критиков этого не понимают» [5, с. 183].

Такое заявление от имени *всей* отечественной социальной эпистемологии нам представляется необоснованным. В такой ситуации как раз лучше быть *неинформированным критиком*, чем оказать поддержку подобному сомнительному тезису: существует ли вообще какая-то *особенная* версия российская версия социальной эпистемологии или она только еще конструируется? Почему только она «адекватна», а другие нет? И почему так безапелляционно эта версия (в настоящем или будущем) связывается с культурно-исторической *версией* (будем условно считать — «гуманитарной версией») эпистемологии?

Еще раз подчеркнем: все перечисленные нами выше достижения (они, конечно, есть, с этим никто не спорит) «КСЭ-группы» и самого И. Т. Касавина никак не доказывают и не апробируют тезис о существовании какой-то *особой, специфичной российской* социально-эпистемологической программы, альтернативной трем главным программам в социальной эпистемологии. *Этих достижений явно не «набирается» на особую, «четвертую», программу.* Но снова проблема не в том, что их мало, а в том, что «КСЭ-группа», — мы твердо настаиваем на этом тезисе! — *идет в социальной эпистемологии не совсем верным и нужным путем.* Она не понимает того, как можно использовать все преимущества «КГМ-стиля», и как в социальной эпистемологии *элементарное по своей простоте наведение порядка в концептуальном анализе трансформировать в оригинальную социальную метафизику с высокoeffективной категориальной констелляцией*¹ и, соответственно, в свою собственную, вполне по своим основаниям оригинальную социально-эпистемологическую программу. И снова, отрицательную роль здесь играет «Фуллер-зависимость», и, в целом, слепое копирование в целом «НПА-стиля» в социальной эпистемологии².

Другая серьезная «проблемная точка» в современной социальной эпистемологии — это проблема знания как «ресурса» (или «блага»), — является ли оно *даром* или *оплачиваемым товаром*? Не случайно этой теме была посвящена вышеупомянутая дискуссия в «Philosophy of Social Sci-

ences», а также многие из последних работ И. Т. Касавина и С. Фуллера. Напомним, что мы говорили о С. Фуллере выше: его «интегративная программа» ставит эпистемолога (и, вероятно, каждого социального ученого) в рамки «когнитивного менеджмента», полагая, он есть «политик знания», который участвует в «производстве знаний» и «эпистемологическом разделении труда». Такой подход *максимально* сближает фуллеровскую эпистемологию с современной «экономикой знания» («когнитивной экономикой») и делают проблему анализа основного ресурса в таком производстве, а также проблему обмена, распределения и потребления такого ресурса *ключевой для его концепции.*

Но мы выскажем сильное сомнение, что эту проблему можно решить в рамках юридического подхода к интеллектуальной собственности, — «интеллектуальных прав собственности» (intellectual property rights — а именно на нем настаивают С. Фуллер и И. Т. Касавин. Необходим кардинальный пересмотр всех алгоритмов функционирования и обращения знания в обществе, и главное, следует ввести иное, более широкое, философское понимание интеллектуальной собственности³, и лишь в этом случае, с нашей точки зрения, здесь возможен успех.

Еще одна важнейшая «проблемная точка», которую, по сути, игнорируют все три социально-эпистемологические программы — Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана, и, вокруг которой, в принципе, может строиться, наша отечественная программа, эта проблема «идеологического ракурса» современной социальной эпистемологии⁴. В частности, в современной социальной онтологии уже несколько лет ведутся дискуссии вокруг «идеальной (не-критической настроенной)» и «не-идеальной (критически настроенной)» онтологии (к примеру, [13]). Представители второй социальной онтологии упрекают сторонников первой, что они выводят из социальной онтологии всякую борьбу, насилие, идеологию, социальный хаос и т. п.⁵ Вероятно, что тот

³ Сошлемся, в частности, на нашу монографию [6].

⁴ Напомним еще раз, что в «КГМ-стиле» третья буква «М» связывается с Карлом Марксом.

⁵ «В то время как социальные онтологи фокусируют свое исследовательское внимание на таких институтах, как, к примеру, институт президентства США, вся история переполнена императорами, королями, принцами, диктаторами и вождями, кто утверждал свою власть большей частью силой оружия, чем посредством соглашения или взаимных уступок ... Двигаясь в направлении неидеальной онтологии, мы должны отказаться от понимания институтов в терминах «соглашения»

исследовательский подход может взять на вооружение и отечественная социальная эпистемология (в рамках конструирования собственной исследовательской программы) и акцентировано поставить вопрос об «идеологической пристрастности» исследователей программ (или такой же *идеологической* пристрастности отдельных ведущих социальных эпистемологов), а проблему «плюрализма» и якобы «мирного сосуществования этих программ» трансформировать в *куда более сложную в познавательном отношении* проблему их «борьбы за существование» в рамках *эволюционного* (в дарвинистском смысле) анализа социальных наук.

И это еще далеко не все «проблемные точки», которые может взять за основу своего движения вперед отечественная программа социальной эпистемологии. Здесь важно в *принципе* не впадать в «низкопоклонство» перед западными авторитетами, а научиться максимально эффективно использовать все преимущества «КГМ-стиля» перед другими когнитивными стилями. Не надо «обгонять», а надо «опережать» — идти по *другой, свободной, полосе*, — но при этом зорко вглядываясь в наших «партнеро-конкурентов», — и обращаться в свою пользу и, — это главное! — *на пользу всей социально-гуманитарной науке* промахи и ошибки тех, кого мы стремимся опередить.

Заключение

Подведем итоги. «Ldsh-стратегию» «КСЭ-группы» на первоначальном этапе вхождения отечественной социальной эпистемологии в современную мировую науку можно считать за успешную и результативную. Но далее эта стратегия стала перерождаться в «Ldsh-зависимость» — т. е. «Фуллер-зависимость». Такая зависимость никак не способствует конструированию *оригинальной и инновационной российской социально-эпистемологической программы*, конкурентной программам Д.Блуря, С.Фуллера и Э.Голдмана. Следует научиться преодолевать и решать проблемные вопросы данного направления в рамках «КГМ-стиля», ибо только он, — с точки зрения автора этой статьи, — может помочь сформировать *прорывные векторы* в исследовании «добровольного согласия», и от их понимания как «родившихся из ничего» через один-единственный акт творения; нет, мы должны прийти к их пониманию как в смысле рождения *порядка из хаоса*, и как прошедших долгий и сложный, временами извилистый, путь в своем историческом развитии» [11, p. 143—146].

довательском поле отечественной социальной эпистемологии.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021

1. Дубровский Д. И. Социальная эпистемология: некоторые вопросы и критические соображения // Эпистемология & Философия науки. 2014. Т. XVIII, № 4. С. 69—87.

2. Касавин И. Т. Наука — гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 496 с.

3. Касавин И. Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа-М, 2013. 560 с.

4. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон+, 2008. 543 с.

5. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 602 с.

6. Орехов А. М. Интеллектуальная ответственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. М. : УРСС, 2009. 330 с.

7. Орехов А. М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3. С. 7—15.

8. Социальная философия науки: Российская перспектива. М. : Кнорус, 2016. 692 с.

9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М. : Канон+, 2010. 805 с.

10. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М. : ВШЭ, 2021. 368 с.

11. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М. : Дело. 2018. 370 с.

12. Antonovskiy A., Barash R. The Mission of the Scientist Yesterday and Today: on the Centenary of Max Weber's *Wissenschaftals Beruf* // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 117—129.

13. Brännmark J. Institutions, Ideology and Non-Ideal Social Ontology // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 2. P. 137—159/

14. Chebotareva E. Engineers: the Gap between Mechanisms and Values // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 151—161.

15. Fuller S. Knowledge: the Philosophical Quest in History. New York : Routledge, 2015. 240 p.

16. Fuller S. Social Epistemology. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 2002. 185 p.

17. Fuller S. Science as Gift, or Knowledge as the Offer that Cannot be Refused: Introducing Russian Science and Technology Studies //

Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 443—452.

18. Gómez-Aguilar I. Review: Fuller S. Knowledge: the Philosophical Quest in History. New York. Routledge. 2015 // Philosophy of Social Sciences. 2017. Vol. 47, no. 1. P. 86—92.

19. Green C. Nomadic Concepts, Variable Choice, the Social Sciences // Philosophy of Social Sciences. 2020. Vol. 50, no. 1. P. 3—22.

20. Kasavin I. From Avocation to Vocation: an Ambivalence of Professional Science (Introduction to the Special Issue) // Social Epistemology, 2020. Vol. 43, no. 2. P. 101—104.

21. Kasavin I. Science and Public Good: Max Weber's Ethical Implications // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 184—196.

22. Kasavin I. Science as Gift, or Knowledge as the Offer that Cannot be Refused: Introducing Russian Science and Technology Studies // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 453—472.

23. Maslanov E. Universities as Social Background in "trading Zone" Creation // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 493—509.

24. Samostienko E. Humanities-as-Technique: New Images of Knowledge and Ontological Construction // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 473—492.

25. Shibarshina S., Maslanov E. Science Communication in the Soviet Union: Science as Vocation and Profession // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 174—183.

References

1. Dubrovskii D.I. (2014) *Epistemologiya & Filosofiya nauki*, vol. XVIII, no. 4, pp. 69—87. [in Rus.]

2. Kasavin I.T. (2020) *Nauka — gumanisticheskii proekt*. Moscow, Ves' mir, 496 p. [in Rus.]

3. Kasavin I.T. (2013) *Sotsial'naya epistemologiya: Fundamental'nye i prikladnye problemy*. Moscow, Alfa-M, 560 p. [in Rus.]

4. Kasavin I.T. (2008) *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nyu epistemologiyu yazyka*. Moscow, Kanon+, 543 p. [in Rus.]

5. Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy. K 70-letiyu Borisa

Isaevicha Pruzhinina (2014). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 602 p. [in Rus.]

6. Orekhov A.M. (2009) *Intellektual'naya sobstvennost': opyt sotsial'no-filosofskogo i sotsial'no-teoreticheskogo issledovaniya*. Moscow, URSS, 2009. 330 p. [in Rus.]

7. Orekhov A.M. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 3, pp. 7—15. [in Rus.]

8. *Sotsial'naya filosofiya nauki: Rossiiskaya perspektiva* (2016). Moscow, Knorus, 692 p. [in Rus.]

9. *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy* (2010). Moscow, Kanon+, 805 p. [in Rus.]

10. Fuller S. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'*. Moscow, VShE, 368 p. [in Rus.]

11. Fuller S. (2018) *Sotsiologiya intellektual'noi zhizni: kar'era uma vnutri i vne akademii*. Moscow, 370 p. [in Rus.]

12. Antonovskiy A., Barash R. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 117—129.

13. Brännmark J. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 2, pp. 137—159/

14. Chebotareva E. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 151—161.

15. Fuller S. (2015) *Knowledge: the Philosophical Quest in History*. New York, Routledge, 240 p.

16. Fuller S. (2002) *Social Epistemology*. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 185 p.

17. Fuller S. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 443—452.

18. Gómez-Aguilar I. (2017) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 47, no. 1, pp. 86—92.

19. Green C. (2020) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 50, no. 1, pp. 3—22.

20. Kasavin I. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 101—104.

21. Kasavin I. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 184—196.

22. Kasavin I. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 453—472.

23. Maslanov E. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 493—509.

24. Samostienko E. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 473—492.

25. Shibarshina S., Maslanov E (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 174—183.

For citing: Orekhov A.M.
Russian social epistemology:
from “Ldsh-strategy” to “Ldsh-dependency” //
Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). P. 96—106.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106.
EDN: CYBKDD

UDC 140.8

EDN: CYBKDD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106

RUSSIAN SOCIAL EPISTEMOLOGY: FROM “LDSH-STRATEGY” TO “LDSH-DEPENDENCY”

Andrey M. Orekhov,
Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department
of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Abstract

Introduction and purpose. The paper is devoted to social and philosophical aspects of evolution of Russian social in connection with advancement of Fuller's ideas, and also analytical aspects of Fuller's contribution into the global social science. **Methods.** The author of the paper applies theoretical methods (analysis, synthesis, etc.), acting in contemporary philosophy and sociology of social sciences. The author also uses the method of social observation.

Scientific novelty of the research. The key idea of the paper is to analyze the phenomenon of “Fuller-dependency” in contemporary Russian social epistemology as a type of “Ldsh-dependency”. “Ldsh-strategy” is a strategy of entering the world science following some scientific leader as an authoritative scientist. “Ldsh-dependency” is an absolute or nearly absolute dependency of our Russian sphere of knowledge from some concrete leader or an authoritative scientist who favors our entry to the world science.

Results. «KSE-group» (I.T.Kasavin's group) successfully and effectively uses “Ldsh-strategy” on the first stage of its entering the world science. But further the strategy begins to regenerate into “Ldsh-dependency” i.e. “Fuller-dependency”. Such dependency does not contribute to constructing original and innovative Russian social-epistemological program, competitive to the programs of S.Fuller, D.Bloor and A.Goldman. It is necessary to learn to overcome and solve problematic issues in limits of “KHM-style” since only this style can form “break-through vectors” in the research area of Russian social epistemology.

Keywords:
social epistemology,
I.N.Kasavin,
S.Fuller,
“Anarchic monographity,
Ldsh-strategy,
Ldsh-dependency,
“Fuller-dependency”,
«KSE-group»,
“KHM-style”